

БОРИС
СОКОЛОВ

Соцреалист во стане белых воинов?¹

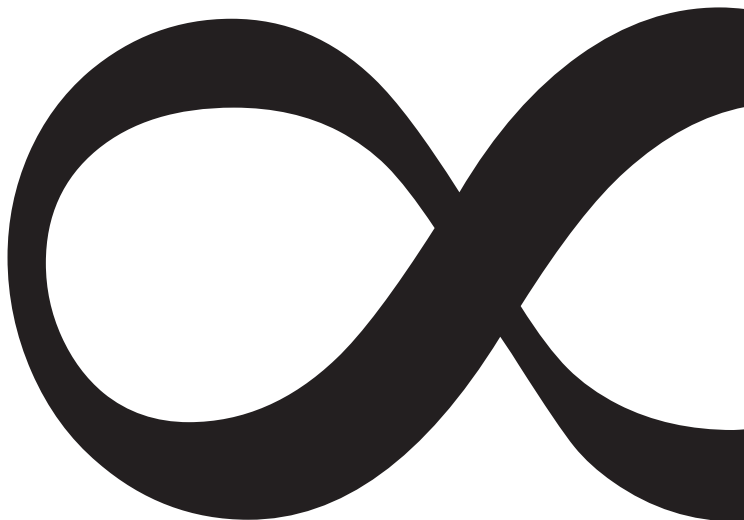

*Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.*

В данной статье речь идет о судьбе поэта Николая Тихонова в годы гражданской войны. Впоследствии он стал видным представителем социалистического реализма и занимал высокие номенклатурные должности. В СССР считались классикой его поэмы «Сами», «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах», а также «Ленинградские рассказы». Тихонов возглавлял Ленинградскую писательскую организацию, был главным редактором журнала «Звезда» и председателем Союза писателей СССР, а в 1949 году достиг вершины номенклатурной карьеры, став председателем Советского комитета защиты мира. Николай Тихонов был увенчан всеми возможными государственными регалиями, первым из советских писателей став Героем Социалистического Труда. Он был одним из двух деятелей, наряду с Леонидом Брежневым, удостоенных как Ленинской премии, так и Международной Ленинской премии за укрепление мира между народами. Я постараюсь показать, как опыт службы у белых отразился в «красной» судьбе и творчестве Тихонова.

1 Это первая статья из двух, посвященных гипотезам – и уже установленным фактам – участия писателей-классиков соцреализма в гражданской войне в рядах белых армий. Следующая планируется к публикации в шестом номере «НЗ» за 2022 год (№ 146). – *Примеч. ред.*

CASE
STUDY

1. АТАКА ПОД РОДЕНПОЙСОМ

БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

Начнем со стихотворения «Атака под Роденпойсом»:

Последний длинный луч заката
Я помню до их пор
Мы дрались, как во времена Мюрата,
Рубя в упор.

И с каждым взмахом становились злее,
Жестоким был тот час,
И враг, спеша нас перебить скорее,
Шел на плечах у нас.

Дышало небо звездными красами,
Безмолвию маня,
Под выстрелами долгими часами
Я не слезал с коня.

И там, где лес снаряды гнули,
Я придержал коня.
Других кругом искали пули,
Но не меня.

В покое смутном сердце билось,
Был час, как образ сна,
Я знаю: за меня молилась
На Севере – одна!²

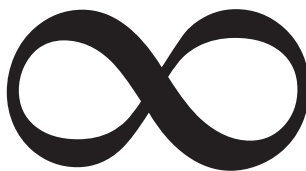
Стихотворение впервые опубликовано в сборнике «Стихи и проза» в 1945 году³. О самой атаке под Роденпойсом Тихонов рассказал уже в своей первой автобиографии (1922): «Участвовал в большой кавалерийской атаке у мызы Роденпойс, спасал броневой поезд, чуть не зарубил командира Батальона Смерти»⁴. Из контекста понятно, что эта атака случилась во время Первой мировой войны. В собраниях сочинений Тихонов датировал «Атаку под Роденпойсом» 1916-м или 1917 годом.

Отмечу, что 1916 год здесь сразу же исключается. Роденпойс (ныне Ропаж) располагается в 32 километрах юго-восточнее Риги. Бои там происходили только в сентябре 1917-го, во время германского наступления на Ригу, когда Роденпойс и был взят немцами. В 1916-м боев под Роденпойсом не было, и Тихонов, воевавший в тех местах, об этом прекрасно знал. Во время

2 В первой редакции после третьей строфы была еще одна: «Я чутко чувствовал тревогу, / Но разум спал – / В душе я не молился богу / И не дремал» (Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. Ленинград: Советский писатель, 1981. С. 706).

3 Он же. *Стихи и проза*. М.: Гослитиздат, 1945.

4 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

Рижской операции, как отмечают историки, русская кавалерия действовала в спешном виде. В частности, 21–24 августа (3–6 сентября) при беспорядочном отступлении частей 12-й армии от Риги к Вендену, когда немцами и был захвачен защищаемый 2-й Латышской бригадой Роденпойс, «противника сдерживали только части спешенной кавалерии, отряд партизан имени П.Н. Пунина под командованием капитана И.М. Ставского и Ударный полк подполковника П.В. Глазенапа»⁵. В литературе и мемуарах нет никаких упоминаний о русской кавалерийской атаке, тем более большой, под Роденпойсом в сентябре 1917 года.

Но кавалерийская атака под Роденпойсом все-таки была. Только не в 1917-м, а в 1919 году. Вот как ее описывал светлейший князь Анатолий Павлович Ливен – командир отряда своего же имени:

«24 мая я с частью отряда покинул Ригу для преследования большевиков, отходивших по Псковскому шоссе. Задача наша состояла в обходе лесными дорогами станции Роденпойс для содействия отряду Эйленбурга, направившемуся туда же по шоссе. Недалеко от станции Роденпойс коммунистическая рота, засев в густом лесу, произвела неожиданное нападение на продвигавшуюся по гати колонну. Несмотря на своевременное предупреждение дозорами, часть не успела примениться к местным условиям и вовремя вернуться и имела сравнительно значительные потери убитыми и ранеными. Убит был командир эскадрона ротмистр Родкевич, и я выбыл из строя вследствие ранения, одновременно со своим адъютантом поручиком Зейберлихом. Но бой благодаря доблести батареи, стрелявшей прямой наводкой под градом пуль, окончился в нашу пользу, и большевики, прекратив огонь, бежали. Вскоре к нам подоспели подкрепления из латышских частей, по шоссе продвинулся Эйленбург, и станция Роденпойс к вечеру была в наших руках»⁶.

Штабс-капитан фон Зауэр, старший офицер батареи Ливенского отряда, описал бой под Роденпойсом подробнее и не столь оптимистично, как командир отряда:

«Переправившись на пароме у Мюльграбена, около 3 часов дня отряд захватил заставу красных, указавшую на нахождение вправо от нас батальона коммунистов и отряда коммунисток, а впереди нас двух красных рот. [...] Отряд продолжал движение. Батарея шла все время рекою непосредственно за эскадроном. Около 4 часов вечера в лесу, в 1 км от “Рикуль” (3 км к северу от станции Роденпойс), отряд наткнулся на засаду красных, состоящую из 15 коммунисток и 250 стрелков при нескольких пулеметах.

5 Кавтарадзе А.Г. *Рижская операция 1917 года* // Военно-исторический журнал. 1967. № 9. С. 122.

6 Ливен А.А. *Основание отряда* // *Белая борьба на Северо-Западе России* / Сост., науч. ред., предисл., коммент. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2003. С. 41. Впервые эти, как и другие цитируемые ниже мемуары, вышли в сборнике: *Памятка Ливенца. 1919–1929*. Рига, 1929.

Встреча произошла в густом строевом лесу, на гати, обнесенной глубокими канавами. Красные открыли неожиданно по нашей колонне сильный пулеметный и ружейный огонь с близкой дистанции. Конница, неся потери, смешалась и отошла. Оба орудия, снявшись с передков и стоя друг другу в затылок, несмотря на невозможные для артиллерийской стрельбы условия и убийственный огонь противника, открыли по нему сильный огонь. Многие снаряды, задевая за толстые деревья, рвались у самых орудий или у нашей цепи. Противник начал нас обходить и справа и слева. Батарейный пулемет, выдвинутый вправо и вперед, своим огнем поддерживал нашу жидкую цепь (30 шашек, 10 офицеров, 20 артиллеристов). Огонь батарейного пулемета ликвидировал обход справа. Обход слева был ликвидирован огнем орудий. Орудия были спешно выдвинуты на опушку леса. Красные, не зная наших сил, спешно переправились через Аа Лифляндскую и сожгли за собой мост. С наступлением темноты подошла 1-я пулеметная рота, и отряд пошел на станцию. Со станции открыл огонь бронепоезд противника, на наши сигнальные ракеты никто не отвечал, люди крайне устали, осталось лишь 10 шрапнелей. Отряд отошел на 1 км и занял позицию у имения Холлерсгоф. Батарея потеряла 30 процентов своего состава. Ранены: поручик Недзведский, подпоручик Бергман, Кергаль, Кононов. Убиты: добровольцы Шулиц, Цукурс, Цирульс. Убито 6 лошадей и ранено 7. На позиции батареи тяжело ранен начальник отряда светлейший князь Ливен и его адъютант Зейберлих и убит командир эскадрона ротмистр Родзевич. На следующий день, 25 мая, Роденпойс был занят балтийским ландесвером»⁷.

Капитан, барон Николай Анатольевич Будберг (1894–1971), старший адъютант штаба Ливенского отряда, тоже участвовал в бою под Роденпойсом и оставил его описание:

«Мы переправились через Красную Двину и вытянулись на подводах вдоль дороги. Впереди – князь Ливен со своим адъютантом, поручиком Зейберлихом. Тут же наш эскадрон – несколько десятков сабель. За эскадроном – легкая батарея из двух орудий под командою штабс-капитана Зауэра и, наконец, наша офицерская рота, человек двадцать, во главе с полковником Пясецким.

Эскадрон поскакал вперед. Позади двигалась батарея, везя за собой на обывательских подводах снаряды.

Местность была открытая. Солнце пекло немилосердно. Ни ветерка, ни тучки. [...] Болтая с приятелями, мы не заметили, как отъехали порядочное расстояние. Города уже не было видно. Впереди мелькали деревья, а за ними густой стеной стоял лес. Было

7 ЗАУЭР ФОН. *Дневник военных действий 1-й батареи 5-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона // Белая борьба на Северо-Западе России*. С. 82–83. Возможно, это Александр Владимирович фон Зауэр (умер в 1972 году), штабс-капитан Дроздовской артиллерийской бригады, участник похода Яссы–Дон, в 1920 году эвакуировавшийся с армией Петра Врангеля в Галлиполи: *Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997* / Сост. В.Н. Чураков. М.: Пашков дом, 1999. Т. 2. С. 588.

около четырех или пяти часов, когда нас охватил аромат соснового леса. [...] Так проехали еще час. Все было спокойно. Вдруг впереди раздались выстрелы, и сейчас же затрещал пулемет.

Засвистали пули, и слышались крики. В один миг все изменилось. До сих пор спокойные и сонные подводчики пришли в себя, и через секунду большинство из них лежало в канаве. Только подводцы со снарядами остались стоять.

Мы сначала не знали, что подумать, но потом поняли, что навалились на противника, засевавшего в лесу. Густой лес прекрасно скрывал красных. Князь вместе с эскадром первым попал под огонь. Командир эскадрона был убит.

Мимо нас стали пробегать отдельные кавалерийские офицеры, уводившие назад лошадей. Офицерская рота рассыпалась вправо от дороги. Оба орудия стояли друг за другом. Свернуть и поставить их рядом было невозможно: мешали глубокие канавы.

Стрельба противника усиливалась. Трещало уже несколько пулеметов, и пули то и дело жужжали мимо ушей. Ни холма, ни бугра, и только отдельные пни и высокие деревья представляли некоторую защиту.

Наконец раздался первый орудийный выстрел – это наша пушка стреляла по неизвестному противнику. Потом второй, третий... В лесу стоял невообразимый гул. Наши орудия стреляли одно через другое. Несколько артиллеристов было уже ранено и убито; их тащили назад, клали на повозки и увозили. Помню, я подошел к полковнику Пясецкому, стоявшему вправо от дороги. В руках у меня был чей-то карабин, затвор которого не действовал, столько в нем набилось песку. Рота лежала. На дороге находилась высокая фигура капитана 2-го ранга, барона Остен-Сакена, который помогал артиллеристам. [...] Пулеметы противника трещали по-прежнему. Офицерская рота и кавалеристы несколько раз кричали “Ура!” и пытались пройти вперед, но безуспешно, так как огонь противника был слишком жесток, а нас до смешного мало.

Я уверен, будь большевики немного смелее, они могли бы великолепно нас окружить и никто бы не ушел. Мысль о том, что положение наше скверно и что каждую минуту может произойти жестокая развязка, а с нею и конец, заставила поручика Зейберлиха и меня попытаться вынести из огня светлейшего князя. [...] Как долго продолжался этот ад, этот гул орудий и вой пуль – затрудняюсь сказать. Может быть, час, а возможно, и меньше. [...] Горло пересохло, говорить было трудно. Мы снова крикнули “Ура” и бросились вперед. Противник замолк, дрогнул и, наконец, побежал. Густой лес позволил ему отойти незаметно»⁸.

Из всех этих рассказов выстраивается картина боя у Роденпойса, происшедшего 24 мая 1919 года. Она совпадает с той, которая дана в стихотворении Тихонова. Бой закончился около 7 часов вечера, то есть на закате. Происходил он в сосновом

8 Будберг Н.А. *Бой под Роденпойсом у Риги и ранение светлейшего князя Ливена (из памятной книжки участника)* // *Белая борьба на Северо-Западе России*. С. 90–91.

лесу. Эскадрон Ливенского отряда, насчитывавший 30–40 сабель, двигался в конном строю. Когда колонна ливенцев подверглась неожиданному обстрелу и атаке со стороны красных, кавалеристы попытались атаковать, но под огнем неприятеля вынуждены были спешиться и под натиском превосходящих сил противника отступить. У красных кавалерии не было, а пехоту ливенцы вполне могли рубить в упор, если бы дошли до ее позиции (конных сабельных схваток в Первую мировую и гражданскую войну практически не было). Ливенцев спасла двухорудийная батарея, которая своим огнем остановила красных. Упоминается и участвовавший в бою бронепоезд – правда, на стороне красных. Судя по тому, что в стихотворении Тихонова совпадают многие детали с боем 24 мая 1919 года, сам поэт был участником этого боя на стороне ливенцев, то есть белых. Попытаемся выяснить, как он мог попасть туда.

Выше уже отмечалось, что в автобиографии 1922 года Тихонов упомянул в контексте событий Первой мировой войны участие в кавалерийской атаке у мызы Роденпойс. Между тем стихотворение «Атака под Роденпойсом» он опубликовал только в 1945-м, а потом – в 1947 году⁹. Но постарался «легализовать» этот сюжет 25 годами ранее.

В той же автобиографии Тихонов писал о своей жизни после революции и участии в гражданской войне следующим образом:

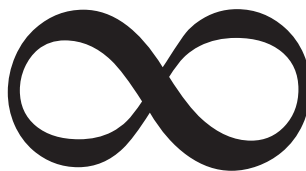
«После того гнул себя на разных работах: рубил дрова, плотничал, по всеобучу работал, играл “комических стариков” в некоей труппе, защищал Петроград от Юденича. Сто часов дежурил без смены, на сто четвертом свалился. До сих пор не умер»¹⁰.

Работы до обороны Петрограда от Юденича, перечисленные Тихоновым, хороши тем, что их невозможно проверить по документам. Во Всеобуче – системе обязательной военной подготовки граждан – к концу 1918 года работали около 50 000 инструкторов. И, вероятно, не меньше, если не больше, было во Всеобуче канцелярских работников. Но в Москве и Петрограде бюро и отделов Всеобуча не было, военная подготовка по этой программе проходила в территориальных воинских частях. Здесь тоже речь должна была идти о десятках тысяч сотрудников¹¹. Отыскать в этой массе следы Тихонова было бы совсем не просто. Точно так же не было никакой возможности установить анонимную театральную труппу, которой в 1922 году наверняка уже не существовало (а может, и никогда не существовало). Ну и, конечно, рубку дров и плотничьи работы проверить не

9 Тихонов Н.С. *Стихи и проза*. М.: ОГИЗ, 1947. С. 148.

10 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

11 *Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия* / Гл. ред. С.С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 123–124.

было смысла. Часто такие неопределимые сведения приводились в советских анкетах тогда, когда надо было что-то скрыть в прошлом. Вениамин Каверин, друживший с Тихоновым, пишет в мемуарах применительно к 1932 году:

«Из человека, который говорит то, что он думает, Тихонов так же, как десятки и сотни других людей искусства (и не только искусства), превращался в человека, который думает одно, а говорит другое. Как ни странно, его жизненной задачей стала необходимость убедить себя в том, что он думает действительно то, что он говорит»¹².

Но на самом деле Тихонов в такого человека превратился еще в 1920 году, когда оказался в Советской России, где необходимо было тщательно скрывать белогвардейское прошлое. А для того, чтобы сокрытие было максимально эффективным, требовалось убедить себя, что он действительно верит в революцию и большевиков. И он убедил себя в этом. Еще в автобиографии 1922 года поэт писал, что «с комиссарами разными ругался и буду ругаться»¹³. Но не мог же он в самом деле в советском подцензурном журнале написать: «Я комиссаров рубал под Роденпойсом и рубать буду!».

В автобиографии 1926 года, где Тихонов фигурирует в третьем лице, о гражданской войне сказано чуть подробнее:

«1918 год. Фронт прорван. Немец у Нарвы. В Петрограде Совнарком. Люди живут с удесятеренной энергией. Его лучший друг Витольд Арцишевский является в Смольный и говорит: “Я знаю четыре языка, я молод и здоров, дайте мне работу”. Товарищ Троцкий направляет его в распоряжение товарища Иоффе, в Наркоминдел. Он работает за двоих. Н.С. Тихонов в Красной армии, в первой Советской роте имени товарища Либкнехта. [...] Дальше идут: Первый Стрелковый полк имени тов. Калинина, наступление Юденича, бой под Петроградом и потом – передышка»¹⁴.

Тут много неясного. Почему вдруг возникает друг Тихонова Арцишевский? Не по его же протекции поэт попал в Красную армию! Думаю, что Арцишевский, служивший в Наркоминделе, понадобился для того, чтобы вывести на сцену в тот момент уже опального, но еще не запрещенного к упоминанию Троцко-

12 КАВЕРИН В.А. *Эпизод*. М.: Вагриус, 2006. С. 291.

13 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

14 Тихонов Н.С. *Из могилы стола* / Сост. И.А. ЧЕПИК-ЮРЕНЕВА. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2005. С. 53–54. Возможно, имеется в виду Витольд Казимирович Арцишевский, в 1908–1912 годах – контролер Управления Северных железных дорог (<https://forum.vgd.ru/post/1139/22487/p2834231.htm>). Впервые эта автобиография была опубликована в журнале «Красная панорама» (1926. № 41). Название «первой Советской роты имени товарища Либкнехта» Тихонов, возможно, выдумал, использовав место жительства своего друга Вениамина Каверина, который в начале 1920-х жил в Петрограде по адресу проспект Карла Либкнехта, дом 32, квартира 18 (КАВЕРИН В.А. *Литератор*. М.: Советский писатель, 1988. С. 38).

го. А отнесение поступления Тихонова в Красную армию к началу 1918 года должно было указывать на то, что он был добровольцем. Однако в позднейшей автобиографии поэт утверждал обратное: «Меня демобилизовали весной 1918 года. Осенью этого же года я вступил добровольцем в Красную армию, принимал участие в разгроме Юденича под Петроградом»¹⁵.

Если предположить, что в мае 1919 года Тихонов оказался в рядах Ливенского отряда под Роденпойсом, можно попытаться реконструировать его путь в гражданской войне. Скорее всего он действительно поступил добровольцем в Красную армию, только произошло это не осенью, а весной 1918 года. Но поступил он в одну весьма специфическую часть Красной армии, поскольку только из нее он мог попасть в дальнейшем в Ливенский отряд. Речь идет о Лужском партизанском (1-м конном) полку Красной армии, сформированном Станиславом Никодимовичем Булак-Балаховичем на базе отряда Особой важности (партизанского) имени атамана Пунина. В феврале 1918 года, после начала германского наступления отряд Булак-Балаховича оказался одной из немногочисленных частей Северного фронта, которая оказала реальное сопротивление немцам. После заключения в марте Брестского мира Троцкий, назначенный 14 марта наркомом по военным делам, а ранее являвшийся наркомом иностранных дел, лично одобрил формирование полка Булак-Балаховича. Поэтому Троцкий появился в тихоновской автобиографии 1926 года, но для маскировки – в связи с Арцишевским. Признаваться в службе в полку Булак-Балаховича поэту было никак нельзя, поскольку было хорошо известно, что в начале ноября 1918 года Булак-Балахович со своим полком в количестве 446 человек, включая 42 офицеров и 6 классных чиновников, перешел на сторону белогвардейского Псковского корпуса¹⁶. Многие офицеры вступали в полк Балаховича только потому, что рассчитывали вместе с ним перейти к белым. Сам Булак-Балахович признавался в узком кругу: «Троцкий – шеф, а в карманах у молодых и господ офицеров до сих пор царские вензеля лежат!»¹⁷. Часть офицеров и добровольцев из полка Балаховича в январе 1919-го отправились в Латвию и вступили в отряд Ливена, который в составе состоявшего преимущественно из немцев балтийского ландсвера сражался с красными, захватившими Ригу. Вероятно, в составе тех балаховцев, что подались к Ливену, был Тихонов. И он в тот момент уже был офицером – скорее

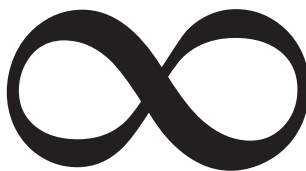
БОРИС СОКОЛОВ

СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

15 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 48.

16 Машко В.В. *Станислав Никодимович Булак-Балахович* // Новый исторический вестник. 2002. № 2(7) (www.nivestnik.ru/2002_2/8.shtml).

17 Кручинин А.С. *Генералы С.Н. и И.Н. Балаховичи* // *Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов*. М.: Астрель; АСТ, 2004. С. 472.

всего еще с 1916 года. Сам Тихонов утверждал, что в его роду были латышские корни¹⁸.

Доказательство того, что Тихонов стал офицером еще до революции и что к большевикам он никаких симпатий не испытывал, можно найти в его ранних стихах и прозе, которые публиковались в петроградском журнале «Нива» в 1918 году, вплоть до его закрытия властями 28 сентября. Эти произведения при его жизни никогда не переиздавались, а проза не переиздана до сих пор. В дебютном стихотворении, появившемся в № 13, датированном 30 (17) марта, можно угадать реакцию поэта на Брестский мир:

На шее упавших величий
Петля потемневшего дня –
И злоба без устали кличет,
И мрак душит искры огня.
Как часты занозы на прутьях
В тиши окровавленных мест,
Кто ставит на наших распустьях
Большой окровавленный крест?
Душа! Ты живешь, пламенея –
Смотри же, как в рокоте слов
Над станом смущенных пигмеев
Лик солнца безжалостно нов!¹⁹

«Нива», как и вся пресса в Советской России, выходила в жестких цензурных условиях, но нет сомнений, что «смущенные пигмеи» – это большевики, творцы сепаратного Брестского мира, отобравшего у России все ее западные территории, мира, которого патриот Тихонов принять не мог. В № 15 на обложке журнала Тихонов опубликовал стихотворение «Голгофа» о крестных страданиях Иисуса Христа²⁰. Символический смысл стихотворения заключался в том, что Россия сейчас на Голгофе революции и она оставлена Богом. В последнем четверостишии читаем:

Дробясь, упали обелиски,
Погасли в грохотах огни,
И снова призрачно и близко
Звучит: «Ламá Савахфанí!»

Последняя фраза на арамейском в Евангелии от Матфея звучит так: «Или́, Или́! ламá савахфанí?» – то есть: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. XXVII, 46).

18 Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века / Под ред. Б.П. Козьмина. М.: ДЭМ, 1991. Т. 1. С. 246.

19 Нива. 1918. № 13. 30 (17) марта. С. 208.

20 Нива. 1918. № 15. 13 апреля (31 марта). С. 226.

В том же номере Тихонов поместил еще одно стихотворение с красноречивым названием «В Страстные дни. Предательство»²¹. Здесь евангельский сюжет тоже служил намеком на предательский, с точки зрения поэта, Брестский мир. И этот намек подкреплялся вполне российским пейзажем и прямым указанием на то, что действие происходит отнюдь не в Гефсиманском саду:

Не в садах Гефсиманских – в краю позабытом,
Посреди обездоленных сел,
Где дороги затоптаны острым копытом,
Лес оборван, безжизнен и гол.
Он стоял обреченный, измученный снами,
И в путях, чрез поля и кусты,
Вырастали под ветром, клубясь над полями,
Занесенные снегом кресты...

Кресты среди поля, а не на обычном кладбище символизируют погибших в войне, которых и предали большевики, заключив позорный мир.

В том же номере было опубликовано и третье тихоновское стихотворение «Дни Страстей»²². В нем есть такие строки:

Твой крик восторга, стон разлуки,
Когда сомненьем жалким смят,
Умыл изнеженные руки
Тех дней чудовищный Пилат!

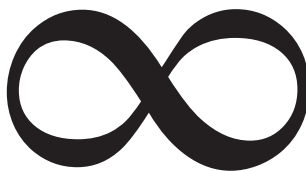
Тут был явный намек на «Пилата» современности, под которым подразумевался вождь большевиков Ленин, по требованию которого Брестский мир был подписан, несмотря на оппозицию в партии. Характерно, что в те дни, когда Тихонов публиковал свои стихи, Страстная неделя еще не началась.

В следующем номере (№ 16) Тихонов поместил цикл пасхальных стихов «Воскресение»²³. Из них наиболее интересно стихотворение «Три пасхи». Первая Пасха – во времена Ивана Грозного, которому на Пасху «Хочется смириться: плакать и молиться, / Или встать, озлобясь, все вокруг круша». Вторая Пасха – это Пасха Петра Великого, при котором «ведет на Запад, гордо розовея, / Солнце воскресенья Северной Страны». Третья Пасха – это Пасха 1917 года, пришедшая на 15 (2) апреля, первая после февральской революции. Временное правительство старалось использовать этот праздник в своих целях, в частности, подчеркивая сходство красного революционного и пасхального цветов. Поэт передает впечатление от первой пасхи в революционной России:

21 Там же. С. 228.

22 Там же. С. 233.

23 Нива. 1918. № 16. 20 (7) апреля. С. 244.

Прошумели крылья древнего преданья,
Призраки былого множат тени сна,
Снова близко утро, в звонах ожиданья,
И мечты всемирной юная весна...
Страшен мрак последний, но в рассветных тучах
Гром повис великий непрожитых дней,
Дерзкий, беспощадный, грозно неминуемый –
Создающий царство радостных огней!

В «Октябрьских рассказах», которые Тихонов написал в 1957 году, действие первого рассказа под названием «Апрельский вечер» происходит как раз в начале Пасхальной недели 1917 года: «Поздним весенним вечером третьего апреля тысяча девятьсот семнадцатого года, на второй день Пасхи, студент Петроградского университета Анатолий Оршевский шел из гостей – от приятеля своего, тоже студента, Василия Шахова, с которым он спорил весь вечер»²⁴. Прототипом Анатолия Оршевского, очевидно, послужил Витольд Арцишевский, а прототипом Василия Шахова – сам Тихонов. И если Оршевский восхищенно наблюдает выступление Ленина с броневика у Финляндского вокзала (в этот день, 16 (3) апреля, тот вернулся в Петроград из эмиграции) и переходит на сторону большевиков, чтобы в 1918 году погибнуть на фронте в рядах Красной армии (прототип, по словам Тихонова, в том же году «умер большевиком на боевом посту в Торошино»)²⁵, то Шахов как будто готов отстаивать завоевания февральской революции. Он спорит с Оршевским и утверждает: «Ждали мы, ждали, чтобы Романовых свергнуть. Свергли. Народный праздник – все ликовали, от мала до велика. Есть у нас Временное правительство, и с ним согласен и Совет рабочих и солдат. Власть есть, значит, будет и порядок»²⁶. Можно предположить, что в первые месяцы после февральской революции Тихонов действительно верил, что революционная власть приведет к установлению нового порядка и поможет победоносно завершить войну.

В рассказе же «Счастливая улица», посвященном отражению наступления Юденича на Петроград, вообще нет героя, которого можно было счесть автобиографическим. На эту роль в какой-то мере претендуют двое. Это комиссар Иван Филиппович Глебов, по профессии электромонтер, одетый в потрепанную кавалерийскую шинель, и «совсем юный красноармеец»²⁷ Алексей Дымов, бывший конторщик маленького кирпичного завода под Шлиссельбургом. Но Тихонов точно не был ни комиссаром, ни электромонтером, ни конторщиком кирпичного

24 Тихонов Н.С. *Октябрьские рассказы*. М.: Современник, 1987. С. 1.

25 Он же. *Из могилы стола*. С. 54.

26 Он же. *Октябрьские рассказы*. С. 1.

27 Там же. С. 16.

завода. Да и «совсем юным красноармейцем» его назвать было сложно – все-таки ветеран Первой мировой войны! По всей вероятности, отсутствие по-настоящему автобиографического героя в рассказе, посвященном борьбе с Юденичем (хотя собственно боев в рассказе нет), объясняется тем, что, как мы увидим далее, в этих боях Тихонов участвовал на стороне Юденича.

В № 20 «Нивы», датированном 18 (5) мая 1918 года, Тихонов опубликовал стихотворение «Ожидание»²⁸. Там запечатлен сельский пейзаж, а завершается «Ожидание» такой тирадой лирического героя:

За визгом хриплых балалаек
Я жду: ударит тяжкий звон!
Вонзится белый луч сполоха
В крыло ночного упыря,
Под пестрой рванью скomorоха
Блеснет броня богатыря!

Ассоциация с богатырем и сельская местность могут указывать, что не позднее мая 1918 года Тихонов уже находился в рядах отряда (полка) Булак-Балаховича в Лужском уезде.

В следующем номере (№ 21) Тихонов опубликовал рассказ «Чудо»²⁹, главный герой которого Семен Иванович Клокачев явно списан с отца поэта – Семена Сергеевича Тихонова. О нем в автобиографии 1922 года поэт писал: «Дед у меня латыш, отец – Тульской губернии»³⁰. В автобиографии 1926 года об отце говорится следующее: «Мать его – крестьянка Петербургской губернии, отец – мещанин города Богородицка, Тульской губернии»³¹. Там же он отметил, что в 1918 году умирают и отец, и бабушка. До этого говорилось, что «в Петроград входит голод»³². Поэтому читатель должен был понять, что отец поэта умер от голода. В последнем варианте своей автобиографии, опубликованном в 1973 году, Тихонов писал об отце более подробно:

«[Родился] в семье ремесленника. Дом, где я родился, стоит и сейчас на углу улицы Герцена и улицы Дзержинского. [...] Все были заняты скромной работой ремесленников. Заработка едва хватало на содержание семьи; жили в тесных, маленьких, темных квартирах, с керосиновым освещением, с трудом, по грошам собирая средства, чтобы дать детям хоть среднее образование».

Относительную бедность своей семьи Тихонов подчеркивает тем, что после окончания Торговой школы «пришлось посту-

28 Нива. 1918. № 20. 18 (5) мая. С. 317.

29 Нива. 1918. № 21. 25 (12) мая. С. 333–335.

30 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

31 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 50.

32 Там же. С. 54.

пить на службу в Военно-морское хозяйственное управление, чтобы начать зарабатывать кусок хлеба, в помощь семье»³³. Что показательное, ни в одной автобиографии Тихонов не называет отца по имени и отчеству. Ну, положим, имя отца, Семен, легко определяется по отчеству сына – Семенович. А вот для установления отчества отца придется заглянуть в справочник «Весь Петербург на 1913 год». Там числится Семен Сергеевич Тихонов, проживавший по указанному поэтом адресу: Гороховая, 11³⁴. Замечу, что помещение адреса в этом справочнике уже говорит об определенном социальном статусе. Вряд ли бы это стал делать ремесленник, едва сводивший концы с концами. К тому же в автобиографии 1926 года Тихонов признается, что у него в детстве было «2000 бумажных, деревянных, оловянных солдат, пушек, лошадей, паровозов и кораблей»³⁵. Вряд ли бы родители, вынужденные откладывать каждую копейку на образование сына, стали бы так заваливать его игрушками. Друживший с Тихоновым Вениамин Каверин писал, что «он был сыном и братом парикмахера и принадлежал к среднемецанскому сословию»³⁶. В автобиографии 1959 года Тихонов утверждал:

«Мой отец был цирюльником, мужским парикмахером, мать – портнихой. Жили мы в тесной, маленькой квартире, где были всего две комнаты и кухня, в доме такой старины, что все двери покосились, потому что дом за полтора года своего существования сильно осел. Я не знал ничего о своих далеких предках, потому что след их начисто исчез»³⁷.

В автобиографических заметках, сохранившихся в архиве Тихонова, поэт отмечал:

«Отец – строгий, суровый человек. Любил порядок. Дети его боялись. Был очень хороший мастер своего дела – парикмахер. Делал прекрасные парики, накладки генералам и др. Участвовал во всемирной выставке в Париже в 1900 году. К нему однажды пришла девушка – еврейка, работница фабрики. Ее длинные волосы – косы затынуло в барабан и сняло скальп. Отец сделал ей два прекрасных парика. Она потом вышла замуж.

Мать – очень хорошо шила. Сохранились фотографии дам, которые шили у нее, в ее платьях – очень красивых, в оборках с турнюрками»³⁸.

33 Он же. *Стихотворения и поэмы*. С. 47.

34 *Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга*. [СПб.]: Издание А.С. Суворина, [1913]. С. 630.

35 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 51.

36 Каверин В.А. *Эпизод*. С. 280.

37 *Советские писатели. Автобиографии: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2* (www.detskiysad.ru/raznilit/avtobiografia_tihonov.html).

38 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 484.

Согласимся, что парикмахер, который участвует в парижской выставке, никак не может быть бедным ремесленником. По всей вероятности, отец Тихонова был не просто парикмахером, а владельцем модного салона-парикмахерской, обслуживающего богатую публику. Да и жена его обшивала явно не фабричных работниц, а дам высшего света. Наверняка Тихонов-старший был довольно состоятельным человеком, и у него скорее всего были наемные работники, то есть, по советской терминологии, он был эксплуататор. Но, естественно, писать об этом в автобиографии классика соцреализма не стоило.

В «Чуде» Семен Иванович Клокачев становится жертвой самосуда революционных матросов, которые расстреливают его, ошибочно приняв за вора-карманника. Вполне вероятно, что в действительности отец Тихонова мог стать одной из первых жертв «красного террора» еще до его объявления, о чем в цензурном журнале Тихонов в любом случае писать не мог. Дать списанному с отца героя фамилию Клокачев, по принципу противоположности, Тихонову, возможно, подсказал эпизод, о котором он рассказал в автобиографии 1926 года: «Когда он [Тихонов. – Б.С.] учится в Алексеевской торговой школе, инспектор зовет его родителей и просит их переменить фамилию сына, назвав его Бойцовым. Родители не согласны»³⁹. В рассказе профессия Клокачева прямо не названа, но можно понять, что скорее всего он мелкий чиновник. Кстати сказать, он имеет прислугу, но, в отличие от отца Тихонова, изображен одиноким человеком. «Чудо» позволяет предположить, что не позднее мая 1918 года Семен Сергеевич Тихонов погиб в Петрограде и что Николая Семеновича в это время в городе не было.

В № 22–24 «Нивы» Тихонов опубликовал повесть «Стратегели», имеющую подзаголовок «Повесть недавних дней», – одно из лучших своих прозаических произведений. Главный герой Мирцев, член полкового комитета драгунского полка, явно автобиографичен. Действие повести происходит в июле 1917 года. Воинское звание Мирцева не называется прямо, но подчеркивается, что он единственный обладатель френча среди всех членов комитета. Френч же тогда в русской армии полагался только офицерам. Одна из сюжетных линий повести как раз и связана с тем, что председатель комитета, «товарищ Зейман» – личность довольно малоприятная, – одалживает у Мирцева френч, чтобы на совещании в штабе дивизии, где будет главным образом офицеры, походить на офицера, а также на главу Временного правительства Александра Федоровича Керенского. Также беседа Мирцева с Шестовым в 9-й главе повести ясно показывает, что оба они офицеры⁴⁰.

39 Там же. С. 51.

40 Нива. 1918. № 24. 15 (2) июня. С. 378, 380.

Кстати сказать, «зейман» (от голландского *Zee-man* – морской человек, мореплаватель) – это самоназвание кадетов и гардемарин Морского кадетского корпуса, выпускники которого всю последующую жизнь называли себя «зейманами». Это наводит на мысль, что Тихонов окончил Морской кадетский корпус – или по крайней мере учился в нем. Обычно оканчивали его в возрасте 18 лет. Если поэт действительно окончил его, то это должно было произойти в 1914 году. Только в советское время Тихонов вряд ли рисковал именоваться «зейманом», поскольку тщательно скрывал в советское время факт учебы в Морском кадетском корпусе. Окончивших училище отправляли в годовое плавание в качестве корабельных гардемарин, после которого у них принимали практические экзамены и производили в мичманы, что соответствовало армейскому поручику. Не сдавшие практических экзаменов и показавшие низкие морские качества и неподготовленность к военно-морской службе увольнялись с присвоением чина подпоручика по адмиралтейству или же получали гражданский чин 10 класса. Как мы уже отмечали выше, в автобиографии 1973 года Тихонов писал:

«[После окончания Торговой школы] пришлось поступить на службу в Военно-морское хозяйственное управление, чтобы начать зарабатывать кусок хлеба, в помощь семье. Общение с моряками, их рассказы о путешествиях, о разных странах, куда они плавали, производили на меня большое впечатление. Во время ночных дежурств я много беседовал с людьми, близко принимавшими к сердцу трагедию русского военно-морского флота, говорившими о революционных традициях Свеаборга и Кронштадта, о броненосце “Потемкин” и лейтенанте Шмидте, о прошлом и будущем флота. Некоторые мои собеседники были людьми передовых взглядов, и их смелые суждения о судьбе России сильно мне запомнились. Конечно, далеко не со всеми я мог говорить так откровенно и находить взаимное понимание»⁴¹.

Трудно себе представить, чтобы сотрудники Морского министерства, офицеры и чиновники, рассказывали Тихонову «о революционных традициях Свеаборга и Кронштадта». Здесь поэт отдавал дань революционной риторике. Есть основания подозревать, что в действительности Тихонов в Морском министерстве не служил, а версия об этой службе понадобилась для того, чтобы прикрыть учебу в Морском кадетском корпусе и объяснить свой интерес к морской тематике и знание морских реалий. Кстати сказать, учеба в Морском корпусе объясняет относительно неплохое знание Тихоновым английского языка – там его преподавали, в отличие от гимназий и торговых школ. Вполне возможно, что он начал учить английский еще там, а

41 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 47–48.

не позднее; и уже после революции выучил самостоятельно, чтобы читать любимого Киплинга, как Тихонов утверждал впоследствии. А Виктор Шкловский, например, верил, что Тихонов начал учить английский язык только после возвращения в Петроград в конце 1920 года: «Он растет, изменяется, читает историю морских войн и учится английскому языку»⁴².

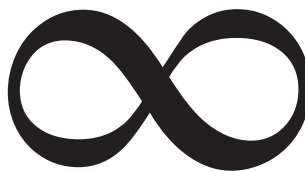
Можно предположить, что Тихонов, окончивший корпус в 1914 году, из-за войны не имел возможности пройти годичную морскую практику, необходимую для получения офицерского звания, и предпочел пойти добровольцем на фронт на правах вольноопределяющегося – кандидата в офицеры. Уже в автобиографии 1922 года Тихонов сообщал, что служил гусаром, не уточняя, в каком звании: «Учился, думал коммерсантом буду, а вышел гусар»⁴³. Судя по сведениям, приводимым в повести «Старатели», в 1917 году Тихонов служил в 17-й кавалерийской дивизии, располагавшейся вблизи Риги. Гусарским в этой дивизии считался носивший гусарскую форму полк офицерской кавалерийской школы. Кроме него, в состав 17-й дивизии входили 20-й драгунский Финляндский полк (до конца 1916 года вместе с полком офицерской школы входил в состав 4-й отдельной кавалерийской бригады), а также полки из пограничников: 5-й Горждинский и 10-й Рыпинский пограничные конные полки. Имелся и 17-й стрелковый полк. Мирцев служит в драгунском полку, которому и приходится заниматься неприятным делом – разоружать взбунтовавшийся пехотный батальон. Тут могут быть два варианта: либо Тихонов служил в полку офицерской школы, а в 1917 году перешел в драгунский полк, либо поэт перенес автобиографического героя в драгунский полк волей художественной фантазии – возможно, для того, чтобы не ассоциировать родной для себя гусарский полк с полицейской акцией. Не известно, участвовали ли в действительности полки 17-й кавалерийской дивизии в разоружении взбунтовавшихся пехотинцев. Но в таких акциях точно участвовал отряд имени атамана Пунина, и, служа в полку Булак-Балаховича, Тихонов наверняка слышал рассказы о таких событиях.

То, что Тихонов был офицером еще в царской армии, доказывает также эпизод, рассказанный им в статье «Сержанты Красной армии»:

«Я помню, как занимался самообразованием унтер-офицера своего взвода, носил ему учебники и занимался с ним. Он хотел сдать экзамен на вольноопределяющегося второго разряда, чтобы иметь право пойти в школу прапорщиков. Но это был единичный случай, и другого у себя в полку я не помню».

42 Шкловский В.Б. *Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933)*. М.: Советский писатель, 1990. С. 373.

43 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

Не приходится сомневаться, что самообразованием унтер-офицера, собиравшегося поступать в школу прапорщиков, мог заниматься только офицер. Скорее всего Тихонов, будучи младшим офицером, командовал взводом, в котором служил тянувшийся к знаниям унтер-офицер. В той же статье Тихонов упоминал, что «в прошлую мировую войну русский унтер-офицер показал свою хорошую подготовленность и управлялся в бою даже лучше младшего офицера из вольноопределяющихся, спешно окончившего школу прапорщиков». Поэт, несомненно, был вольноопределяющимся, и офицером стал, либо окончив школу прапорщиков, либо, подобно Николаю Гумилеву, сдав экзамен. Поскольку образовательный ценз у Тихонова был высоким (либо законченное торговое училище, либо незаконченный Морской кадетский корпус), вполне вероятно, что он стал офицером без окончания школы прапорщиков, просто сдав экзамен на офицерский чин. Также в статье о сержантах поэт подчеркивал:

«Советский сержант продолжает лучшие традиции русского воина. Как и в старину, он должен уметь командовать подчиненными, довести боевое задание до конца, проявить доблесть и настойчивость, заменить выбывшего из строя младшего офицера, показать геройский пример, поддерживая новые традиции Великой Отечественной войны. [...] Сержанты – это костяк армии. Современный бой требует отчетливой отработанности от самых мелких подразделений, и боевая задача отделения или взвода бывает чрезвычайно ответственна. Борьба мелкими группами, несмотря на всю насыщенность поля боя техникой, танками, артиллерийским огнем, искусственными препятствиями, имеет огромное значение, и в этом столкновении мелких подразделений сержантам отводится ответственная роль»⁴⁴.

Здесь Тихонов фактически повторил мысль Троцкого, высказанную на XI съезде партии:

«Одна из важнейших задач нашей партии: воспитать подлинный кадр отделенных командиров, которые представят основу всего командного звания Красной армии. Если мы будем иметь отделенного командира, который политически воспитан в пределах своих задач и подготовлен в военном отношении, то он будет представлять собой законченного низшего руководителя. Этим самым воспитание крестьянской и рабочей молодежи в армии получит незаменимый рычаг»⁴⁵.

Вероятно, Тихонов испытывал к бывшему председателю Реввоенсовета определенную симпатию не только как к достойному противнику на поле боя, но и как к создателю новой – совет-

⁴⁴ Тихонов Н. *Сержанты Красной армии* // Красная звезда. 1943. № 194. 18 августа.

⁴⁵ *Одиннадцатый съезд РКП(б). Май–апрель 1922 г. Протоколы*. М.: Партиздат, 1936. С. 306.

ской – русской армии взамен разложившейся царской. Тихонов армию уважал и ценил, и, наверное, неслучайно он упомянул Троцкого в автобиографии 1926 года. А в стихотворении «Бой» (1939), входящем в цикл, посвященный 20-летию боев с войсками Юденича в 1919 году, есть такая строфа, после смерти Сталина исключенная из публикаций⁴⁶:

У Красной Горки мужеству
Не Сталин ли учил?
О белое хорунжество
Штыки пообточил.

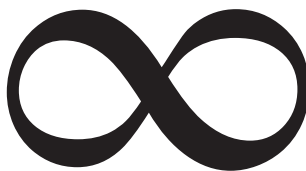
Тихонов, предположительно сражавшийся в рядах Северо-Западной армии Юденича, а потом изучавший историю борьбы за Петроград в 1919 году, прекрасно знал, что никакого «хорунжества» со стороны белых во время боев у форта Красная Горка в июне 1919-го не было и быть не могло. Хорунжий – это младший офицерский чин в казачьих частях, соответствующий корнету в регулярной русской кавалерии. Хорунжих под Красной Горкой не могло быть, так как в Северо-Западной армии вообще не было казачьих частей. Точно так же Сталин непосредственного участия в боевых действиях ни под Царицыном, ни под Петроградом, ни в других местах не принимал и, соответственно, никого мужеству не учил. Под фортом Красная Горка, гарнизон которого восстал против советской власти, Сталин при всем желании никого не мог поднять в атаку, так как после обстрела корабельными орудиями гарнизон, не дожидаясь атаки, покинул форт и ушел к белым.

В указанной строфе Тихонов сознательно сообщал читателям заведомую неправду как насчет «хорунжества», так и насчет Сталина. Те из читателей, кто был знаком с реальным ходом боев за Петроград, должны были воспринять упоминанием мифического «хорунжества» как скрытое указание на то, что столь же мифологично и упоминание о Сталине в данном контексте. Зато сама строфа должна была напомнить ветеранам петроградских боев о подвиге, который действительно совершил Троцкий, когда под Петроградом 18 октября 1919 года остановил бегущий пехотный полк, а затем лично повел его в атаку. 20 ноября он был удостоен ордена Красного Знамени, в том числе за то, что «личным мужеством вдохновлял красноармейские части на фронте под боевым огнем»⁴⁷. Троцкий описал этот случай в мемуарах:

«В этом небольшом эпизоде мне пришлось в первый и единственный раз за всю войну играть роль полкового командира. Когда отступающие цепи почти вплотную навалились на штаб дивизии

46 Тихонов Н.С. *Стихи и проза*. М.: ОГИЗ, 1947. С. 40.

47 Краснов В.Г., Дайнес В.О. *Неизвестный Троцкий: красный Бонапарт*. М.: Олма-Пресс, 2000. С. 275.

в Александровке, я сел на первую попавшуюся лошадь и повернул цепи кругом. В первые минуты было замешательство, не все понимали, в чем дело, некоторые продолжали отступать. Но я на лошади заворачивал всех поодиночке. Тут только я заметил, что за мной по пятам мчится мой ординарец Козлов, подмосковный крестьянин, из бывших солдат. Он был в полном опьянении. С наганом в руке он метался по цепи, повторял мои призывы, потрясал револьвером и вопил изо всех сил: “Не робей, ребята, товарищ Троцкий вас ведет”... Наступление шло теперь таким же темпом, как раньше отступление. Ни один красноармеец не отстал. Верстах в двух началось сладенькое и гнусное посвистывание пуль, свалились первые раненые. Командир полка стал неузнаваем. Он показывался на наиболее тревожных участках, и, пока полк вернул покинутые перед тем позиции, командир был ранен в обе ноги»⁴⁸.

Самый симпатичный герой повести «Старатели» – генерал-майор Растягин, начальник пехотной дивизии, в которой взбунтовался один из батальонов. Генерал очень переживает в связи с этим и в финале кончает жизнь самоубийством. Незадолго до смерти Растягин рассуждает о происходящем с одним из членов комитета:

«Что вы с ними сделали, а? – он захлебнулся, и следующие слова вырвались почти со стоном: Ведь я не могу на них смотреть. Ведь я плачу... душой плачу. Ведь любил я их, чертей косматых, грязь эту серую, непромешанную... А теперь? Что им сказали про меня? Зачем нас разъединили, зачем никто правды не скажет!.. О том, что у меня погоны с зигзагами – это запомнили, что я лампасы красные ношу – тоже запомнили, а что я душу имею – забыли? Кричат, что их дело – свобода, гордость, чистота, а что это: тоже гордость, тоже чистота? Какой ложью вы оправдаетесь, какими словами очиститесь? Как изворачиваться будете? Воевать не хотят? Изменники! Врете, все врете, – закричал он, – они дрались, как львы, как герои, как мученики, кому хотите скажу, Богу в глаза скажу, меня от смерти спасли, гибли, ах, как они гибли! А под Шавлями, под Августовом, под Праснышом, что они делали... как они были велики! Я жизни с ними не пожалею... И все... все с ними... А теперь? Обманом, предательством их покрыли, а ведь на них пыль только, пот и кровь их... да как же пыли не быть – столько верст они проходили в неделю, сколько другой во всю жизнь свою не сделает, да как же не вспотеть от труда – третий год, третий год – и каждый такой год стоит двадцати–тридцати лет, – работают без отдыха, а кровь – кровь всегда дорога, а их кровь бесценна, как жертва, понимаете ли, как жертва – их кровью другие спасутся... Да, да... не смейтесь вы»⁴⁹.

Не приходится сомневаться, что в данном случае Тихонов излагает собственное отношение к развалу армии после фев-

48 Троцкий Л. Д. *Моя жизнь*. М.: Панорама, 1991. С. 409.

49 Нива. 1918. № 24. 15 (2) июня. С. 383–384.

ральской революции, да еще скрыто цитируя стихотворение своего любимого Редьярда Киплинга «Сапоги. Пехотные колонны недавней войны» (1903)⁵⁰.

«Старателями» Тихонов иронически называет членов комитета, которые потворствуют солдатским массам, а также противостоящего Растягину командира корпуса, генерал-лейтенанта Седлецкого, который благодаря тому, что ладит с комитетами, в финале становится командующим Особой армией. В том же номере газеты, где сообщалось о самоубийстве Растягина, «был опубликован приказ о том, что командование Особой армией поручается генерал-лейтенанту Седлецкому»⁵¹. Прототип Седлецкого легко высчитывается: это генерал от инфантерии Станислав Феликсович Стельницкий (1854 – после 1917); в 1915–1917 годах он командовал 39-м армейским корпусом, который, правда, входил в состав Юго-Западного, а не Северного фронта. 27 (14) сентября 1917 года он принял командование Особой армией Юго-Западного фронта. Его назначили после провала мятежа генерала Лавра Корнилова, поскольку Седлецкий был в хороших отношениях с фронтовым и армейским комитетами. Среди «старателей» оказывается Мирцев – как один из членов полкового комитета. Тихонов, как и его герой, был членом полкового комитета. В автобиографии 1951 года он с гордостью отмечал, что на выборах полкового комитета семьсот гусарских сабель были подняты за него, не уточнив правда, что комитет полка офицерской кавалерийской школы, как и другие комитеты Северного фронта, находился тогда под влиянием эсеров и меньшевиков и выступал за продолжение войны до победного конца⁵². Судя по повести «Старатели», в середине 1918 года, после Брестского мира, Тихонов считал, что Корнилов был прав в своей борьбе против большевиков и разложения армии, что и толкнуло поэта к переходу на сторону белых вместе с полком Булак-Балаховича.

В № 29 «Нивы» от 20 июля Тихонов опубликовал стихотворение «Возвращение», где присутствует сельский пейзаж с «бесконечными полями», «рекой под досками парома» и «лес в цвету»⁵³. Можно предположить, что к этому времени автор находился вместе с полком Булак-Балаховича за пределами

БОРИС СОКОЛОВ

СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

50 «Boots. Infantry Columns of the Earlier War» (<https://allpoetry.com/poem/8445289-Boots-by-Rudyard-Kipling>). Тихонов ввел мотив пыли, отсутствующий у Киплинга, но зато появившийся в наиболее известном русском переводе этого стихотворения, принадлежащем Аде Ивановне Оношкович-Яцына (1897–1935), – так и названном «Пыль». Впервые он был опубликован в 1922-м, но точно не известно, когда перевод был написан. Тут возможны две версии: либо не позднее первой половины 1918 года, и Тихонов имел возможность с ним ознакомиться, либо Оношкович-Яцына перед созданием перевода прочитала повесть Тихонова. Вторая версия кажется более вероятной. Оношкович-Яцына была ученицей Николая Гумилева и почти наверняка была знакома с Тихоновым.

51 Нива. 1918. № 24. 15 (2) июня. С. 384.

52 Тихонов Н.С. *Автобиография // Он же. Избранные произведения: В 2 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1951. Т. 1. С. 10.*

53 Нива. 1918. № 29. 20 июля. С. 464.

Петрограда. Аналогичные мотивы – в последних двух тихоновских стихотворениях, опубликованных в «Ниве»: «Равнина»⁵⁴ и «Дорога»⁵⁵. В «Равнине» читаем:

Улеглась без края сизая равнина,
Путь по ней безбрежен, горек и уныл, –
Точно полотенце из холстины длинной,
Кто-то с гор полночных к морю расстелил.

Много жизней жил я в суетной дремоте,
Много жизней сжег на трепетных кострах,
Разве не лежал я в горе и заботе
В пыль равнины сонно брошенных шатрах?

Разве не узнал я полевые храмы,
Чары чернозема, курьей слепоты?
На лице суровом холодеют шрамы,
След привольной жизни, бури и мечты...

Разве теплой ночью, когда пахнет гарью,
Не следил с волками в поле табуны?
В час, когда ты мучишь сухотью и жарью,
Разве мне не снились золотые сны?

.....
И до гор полночных путь я твой измерю
И вернусь к морю – к синим берегам,
Чтоб узнать, что нужно людям, птице, зверю,
А что нужно Богу – Бог мне скажет сам!

В этом стихотворении поэт возвращается к походно-полевой жизни в шатрах (палатках) и собирается держать путь к морю – вероятно, к границе с Эстонией, – вверяя свою судьбу Богу, а затем надеясь опять вернуться к морю – в Петроград. Полк Булак-Балаховича базировался в Луге, далеко от моря. В «Дороге» же прямо говорится, что лирический герой – вновь кавалерист:

Я еду, темный, грустный, злой и вялый,
С тоскливой злостью бью ногой коня...

При этом перед героем предстает довольно мрачный пейзаж:

Гнилая нищета страны унынья,
Без света солнце, дали без смерчей,
В седое небо тучи вбили клинья
Туманно-сломанных мечей...

54 Нива. 1918. № 35. 31 августа. С. 560.

55 Нива. 1918. № 37. 14 сентября. С. 592.

Герой – военный и кавалерист, а переживающая революцию страна явно не вызывает у него восторга.

Очевидно, после взятия Риги и Роденпойса Тихонов с основной частью отряда Ливена отправился в Северо-Западную армию, наступавшую на Петроград, куда и прибыл в июле 1919 года. Здесь ливенцы составили костяк 5-й пехотной дивизии, которой стал командовать князь Ливен. Скорее всего Тихонов служил в составе этой дивизии. Также не исключено, что он как кавалерист служил в конно-егерском полку, наступавшем на Петроград, или в танковых частях армии Юденича – отдельной танковой роте (в дальнейшем – батальоне) и приданном ей для поддержки танковым ударном батальоне. Служба в конно-егерском полку представляется маловероятной, так как не только имя Тихонова отсутствует в списке офицеров этого полка (правда, неполном), но и формировался он из подразделений, не имевших отношения к Ливенскому отряду, и раньше, чем ливенцы вошли в состав Северо-Западной армии⁵⁶. В ходе наступления ливенцы дошли до Гатчины и Пулково. Писатель Александр Куприн, редактировавший газету Северо-Западной армии «Приневский край», в мемуарной повести «Купол св. Исаакия Далматского» так охарактеризовал офицеров-северо-западников:

«В офицерском составе уживались лишь люди чрезмерно высоких боевых качеств. В этой армии нельзя было услышать про офицера таких определений, как храбрый, смелый, отважный, геройский и так далее. Было два определения: “хороший офицер” или, изредка, – “да, если в руках”. Там генералы Родзянко и Пален, оба высоченные гиганты, в светлых шинелях офицерского сукна, с оружием, которое в их руках казалось игрушечным, ходили в атаку, впереди цепей, посылая большевикам оглушительные угрозы. Там Пермикин ездил впереди танка, показывая ему путь, под огнем из бронепоездов, под перекрестной пальбой красных цепей, сидя на светлой серой лошади»⁵⁷.

Характерно, что в стихах, посвященных боям под Петроградом, Тихонов дает взгляд на события преимущественно с белой, а не с красной стороны. В стихотворении «Враги» (1939) читаем⁵⁸:

Это к городу шла разгуляться
Длинноусого вора орда,
Это шли на российских хлебах отъедаться
Иноземной орды господа,
.....

56 http://russianestonia.eu/index.php?title=Конно-Егерский_полк.

57 Куприн А. И. *Купол св. Исаакия Далматского*. Рига: Литература, 1928. С. 41.

58 Тихонов Н. С. *Стихотворения и поэмы*. С. 398.

Им гранитного города снились палаты,
Над Невой разукрашенный сад,
Когда в лоб им ударил над пулковским скатом
Петроградских орудий раскат.

Где шатается нынче, не знаю, Родзянко,
Но тогда он сказал сгоряча:
«Завтра буду по Невскому шпорами звякать –
Что глядеть мне на город сейчас!»

В комментарии к этому стихотворению в «Библиотеке поэта» ошибочно утверждается, что упомянутый здесь Родзянко – это председатель Государственной Думы Михаил Владимирович Родзянко (1859–1924)⁵⁹. Очевидно, характеристику «длинноусый вор» комментатор отнес именно к нему. Однако на самом деле Тихонов имел в виду не Михаила Родзянко, а его племянника Александра Павловича Родзянко (1879–1970), генерал-лейтенанта и командующего Северо-Западной армией до 2 октября 1919 года, когда его сменил сам Юденич, а Родзянко стал заместителем командующего. Александр Родзянко был очень хорошо знаком Тихонову, так как с мая 1916-го по апрель 1917-го был в чине полковника командиром полка Офицерской кавалерийской школы, в котором служил поэт. Затем Родзянко возглавлял 1-ю бригаду 17-й кавалерийской дивизии, в которую входил полк Офицерской кавалерийской школы, а в октябре 1917 года временно командовал 17-й кавдивизией. В момент, когда Тихонов писал свое стихотворение, Родзянко находился в Америке. А его дядя, бывший председатель Думы, умер еще в 1924 году, что было широко известно. Эпизод с отказом Родзянко смотреть в бинокль на Петроград скорее всего не выдуман Тихоновым, а либо отражает реальный факт, либо слухи о таком происшествии, распространявшиеся среди бойцов и командиров Северо-Западной армии. Можно допустить, что Тихонов сам слышал соответствующее высказывание Родзянко. Интересно, что этот эпизод воспроизведен в романе Всеволода Кочетова «Угол падения» (1967)⁶⁰, а затем повторен в его одноименной экранизации режиссера Геннадия Казанского (1970) – и он, вероятно, был заимствован из стихотворения Тихонова. Характеристика же «длинноусый вор» относится не к Родзянко, а к самому Юденичу. Ветераны Северо-Западной армии подозревали его в том, что он присвоил значительную часть средств, выделенных державами Антанты на содержание армии. Историки до сих пор спорят, основательны ли обвинения такого рода против Юденича, который единственный из белых генералов в эмиграции жил совершенно безбедно.

59 Там же. С. 743. Комментарий В.А. Шошина.

60 Кочетов В.А. *Собрание сочинений: В 6 т.* М.: Художественная литература, 1975. Т. 5. С. 414–415.

В 1960 году в конспекте для очерка о городе Пушкин (Царское Село) Тихонов записал:

«Прогулки в Царском Селе.
Во время гражд. войны. Юденич
Родзянко: зачем мне смотреть. Я сам завтра буду гулять по Невскому.
Бой с танками».

Поскольку сделаны эти записи под заглавием «Впечатления ранней юности»⁶¹, можно предположить, что слова Родзянко относятся к личным впечатлениям поэта. А это говорит в пользу того, что в то время Тихонов находился в рядах Северо-Западной армии и лично слышал высказывание генерала. Упомянутый же в конспекте бой с танками – это бой танков армии Юденича с красноармейцами. У Тихонова есть стихотворение «Танки», явно навеянное знакомством с танками Северо-Западной армии⁶²:

Танк за танком били, как тараны,
Стены гнезд, обложенных врагом.
Кости, черепа, ружья, барабаны
Раздавили ржавым каблуком.

Гномы в танках жили, с кожей цвета хаки,
Пили с пивом виски, пели – тру-ля-ля,
Тоши, как сосиски, злобны, как собаки,
Точно раки, в танках ползали, пыля.

Чудища безноги, чудища безруки
Проползли все страны, сталью заплевав,
Пожелтев от солнца, посерев от скуки,
Даже не хромая, даже не устав.

Раки в сером хаки с ловкостью макаки
Тело нарядили в полосатый тик,
За мячом гонялись, жадные до драки
Танки побежали – к голу напрямик,

Среди танков – танк был большой и первый
Прогудел он клич на танкском языке.
Задрожали зубы, заходили нервы,
Заиграло брюхо плоское в песке.

И без жалких хаки в полосатом тике
Поползли зверюги к морю прямо вниз,
Где подводный ястреб точно пикой
Их глотал как приз.

61 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 493.

62 Там же. С. 73.

БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

Здесь танки, уподобленные диковинным зверям, увидены глазами белых, а не красных (последние никак не могли видеть, как «гномы в танках» пили виски с пивом, и слышать, как они пели «тру-ля-ля»). К «гномам»-англичанам поэт, как и все ветераны Северо-Западной армии, относится без какого-либо почтения.

2. «Гвозди б делать из этих людей...» СОВЕТСКИЙ ПОЭТ О ПОДВИГЕ БРИТАНСКИХ МОРЯКОВ И БОЙЦОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ АРМИИ

Если взять самое знаменитое стихотворение Тихонова – «Балладу о гвоздях», – то оно написано не о каких-то абстрактных моряках, как часто думают, имея в виду его заключительные строки⁶³:

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».
Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Как установил пользователь «Живого журнала» под ником *strannik17*, баллада Тихонова посвящена подвигу британских моряков, совершивших рейд на торпедных катерах на Кронштадт в ночь с 17-го на 18 августа 1919 года. В результате была потоплена плавучая база подводных лодок «Память Азова» и тяжело поврежден линкор «Андрей Первозванный» (в 1923-м он был отправлен на металлолом). Также были повреждены несколько советских вспомогательных судов. Возглавлял атаку отряда лично им подобранных неженатых добровольцев 29-летний лейтенант Огастус («Гус») Эгар. В атаке, длившейся чуть более 20 минут, англичане потеряли четыре из восьми катеров, девять моряков погибшими и столько же пленными⁶⁴. Торпедные катера действительно шли на восток, вот почему у Тихонова капитан командует: «С якоря в восемь. Курс – ост»⁶⁵.

В Северо-Западной армии были хорошо осведомлены о британском рейде на Кронштадт. Князь Анатолий Ливен, по горячим следам подготовивший доклад о действиях Северо-Западной армии, отметил в нем, что «англичане удивительно лихим налетом быстроходными моторными лодками атаковали стоявшие на Кронштадтском рейде суда русского большевистского

63 Он же. *Стихотворения и поэмы*. С. 116.

64 См.: STRANNIK17. *Баллада о гвоздях. Часть 1. Десятилетия под спудом ложных версий*. 2015. 2 июля (<https://strannik17.livejournal.com/11069.html>); Он же. *Баллада о гвоздях. Часть 2. Курс – ост. Кронштадтский кегельбан*. 2015. 15 августа (<https://strannik17.livejournal.com/11333.html>).

65 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 115.

флота и попытались его уничтожить»⁶⁶. В тот момент англичане были союзниками Северо-Западной армии, и для Тихонова было вполне естественно восхищаться их подвигом в борьбе с большевиками. Скорее всего «Баллада о гвоздях» была создана по горячим следам, в августе или сентябре 1919 года.

По всей видимости, после поражения армии Юденича Тихонов отступил вместе с ней в Эстонию. Что с ним происходило дальше, можно только гадать. Значительная часть военнослужащих Северо-Западной армии перебралась в Польшу и составила 3-ю Русскую армию, подчиненную находившемуся в Крыму барону Врангелю. Часть северо-западников из Польши смогла кружным путем через французские порты уйти к Врангелю в Крым⁶⁷. Можно предположить три варианта того, что Тихонов делал дальше. Он мог каким-то образом перебраться из Эстонии в Советскую Россию. Он также мог уйти из Польши в Советскую Украину или Советскую Белоруссию. Но это могло произойти либо до начала активной фазы советско-польской войны в марте–апреля 1920 года, либо после заключения советско-польского перемирия в середине октября 1920-го. Наконец, Тихонов мог попасть в плен к красным или добровольно остаться в Крыму при эвакуации войск Врангеля (вариант: вынужден был, подобно Валентину Катаеву и Михаилу Булгакову, остаться из-за болезни, например, заболев тифом). В мемуарах Тихонов упоминает, что в конце 1920-го – начале 1921 года находился в Петрограде «по болезни в отпуску из армии» – разумеется, в Красной⁶⁸. Но по-иному он не мог сказать в подцензурных мемуарах. При этом во всех трех случаях Тихонову каким-то образом удалось утаить свою прошлую службу у белых, а также офицерство, поскольку он в дальнейшем никогда не состоял на учете в этом качестве, что резко повысило бы вероятность последующих репрессий⁶⁹. В то же время уже в конце 1920 года Тихонов оказался в Петрограде. В мемуарах он вспоминает, что поселился в петроградском Доме искусств вместе с поэтом Всеволодом Рождественским, когда «только что кончилась гражданская война»⁷⁰. Значит, речь идет о времени после изгнания Врангеля из Крыма, то есть о конце ноября или декабре. Он также упоминает, что они с Рождественским служили «в опытно-

БОРИС СОКОЛОВ

СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

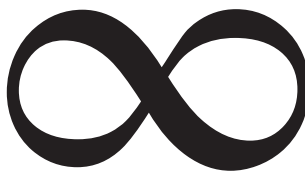
66 Ливен А.А. *Основание отряда*. С. 54. Впервые опубликовано анонимно (без согласия автора) под названием: *Из секретного доклада. О причинах неудачи борьбы с большевиками на Северо-Западном фронте // Архив Русской революции*. Берлин: Издательство И.В. Гессена, 1921. Т. 2. С. 165.

67 Ливен А.А. *Ливенцы и Северо-Западная армия // Белая борьба на Северо-Западе России*. С. 454.

68 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 366.

69 В базе офицеров Северо-Западной армии имя Николая Тихонова не встречается (http://russianestonia.eu/index.php?title=Северо-Западная_армия). Однако в эту базу попали почти исключительно те офицеры, которые либо погибли в боях, либо остались в эмиграции. Поэтому у Тихонова, оказавшегося в конечном счете на советской территории, было мало шансов быть туда вписанным.

70 Он же. *Из могилы стола*. С. 350–351.

подрывном минном дивизионе и вместе писали стихи на одном столе»⁷¹. Не исключено, что Тихонову здесь помогла учеба в Морском кадетском корпусе (кадетов знакомили с основами минного дела). Рождественский с января 1917 года был прапорщиком инженерных войск, чин получил по экзамену, служил в запасном электротехническом батальоне, а после прихода к власти большевиков служил в учебно-опытном минном дивизионе командиром взвода. Несомненно, именно он устроил туда Тихонова, что косвенно доказывает, что ранее Николай Семенович в Красной армии не служил, иначе его командировали бы после госпиталя служить в ту или иную часть и протекции Рождественского не понадобилось бы.

В автобиографии 1926 года Тихонов относит отсылку своих стихов в комиссию Союза поэтов, равно как и пребывание с Всеволодом Рождественским в Доме искусств, к 1921 году⁷². Это делает возможным его прибытие в Петроград в самом конце 1920-го или в самом начале 1921 года. Николай Чуковский свидетельствует: «На нашем горизонте Тихонов появился впервые, по-видимому, в самом конце двадцатого года. “Открыл” его Всеволод Рождественский и, “открыв”, стал водить в Дом искусств»⁷³.

Нельзя исключить, что Тихонов успел повоевать у Врангеля в Крыму. Во всяком случае в его стихотворении «Перекоп» (1922) присутствует не только красный, но и белый взгляд на заключительное сражение гражданской войны в европейской части России:

Красным волкам –
За капканом капкан
Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.
За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг – наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!⁷⁴

В издании же текста в «Библиотеке поэта» сделана совершенно дикая цензурная правка, обесмысливающая текст – помещены в кавычки две первые строчки⁷⁵:

71 Там же. С. 351.

72 Там же. С. 54.

73 Чуковский Н.К. *О том, что видел. Воспоминания. Письма*. М.: Молодая гвардия, 2005 (<https://coollib.net/b/279382/read?ysclid=l484gc84xi644628603>).

74 Тихонов Н.С. *Из могилы стола*. С. 205. Здесь текст дан по сборнику «Брага» (1922). Тот же текст см.: Он же. *Двенадцать баллад*. Ленинград: Госиздат, 1925. С. 8; и в издании 1947 года: Он же. *Стихи и проза*. С. 89.

75 Он же. *Стихотворения и поэмы*. С. 108.

«Красным полкам –
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.
За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг – наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

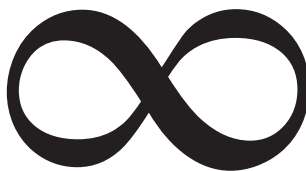
БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

Изначально под «волкодавами крылатыми» имеются в виду самолеты армии Врангеля, которые, в частности, сыграли большую роль в разгроме красного 1-го конного корпуса Дмитрия Жлобы в июне–июле 1920 года и также оказывали поддержку своим войскам в последних боях на Перекопе. Цензоров, слишком поздно обнаруживших крамолу, очевидно, испугало отождествление красных с волками, а кавычки понадобились для того, чтобы сделать пассаж про «крылатых волкодавов» относящимся к красному, а не белому взгляду на сражение: в цензорской версии стихотворения «крылатым волкодавам» уподобляются красные, а не белые летчики на их машинах.

В наградном листе Тихонова при награждении его орденом Отечественной войны 2-й степени (по этому представлению он был 26 мая 1943 года удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени), составленном 18 февраля 1943 года, в графе «Участие в боях (где и когда)» со слов Тихонова сообщалось: «В гражданской войне под Петроградом при наступлении Юденича»⁷⁶. Строго говоря, поэт не грешил против истины. В момент разгрома Северо-Западной армии он действительно находился в ее рядах и, таким образом, *был участником* ее разгрома, будучи среди тех, кто этому разгрому подвергся. Проверить же его службу в частях 7-й армии, отражавших наступление Юденича, не было никакой возможности. Во время второго похода Северо-Западной армии на Петроград на советской стороне было сформировано множество временных отрядов из рабочих, матросов и сотрудников армейских тыловых учреждений, которые были брошены на борьбу с Юденичем. Когда опасность миновала, эти отряды в большинстве своем были расформированы. Из-за краткости их существования проверить, состоял ли в каком-нибудь отряде Тихонов, было практически невозможно.

А вот если Тихонов действительно сражался в рядах Русской армии в Крыму, то заявлять о том, будто он сражался с Врангелем и брал Перекоп, было бы слишком рискованно. Перечень советских дивизий, бригад и полков, участвовавших в боях с Русской армией, был хорошо известен, причем большинство

76 См.: <http://podvignaroda.ru/?id=22400177&tab=navDetailDocument>.

из них сохранились и после гражданской войны, а ветераны поддерживали контакты друг с другом. В этом случае ложь была бы легко разоблачена.

В автобиографии 1922 года Тихонов признавался, что «сидел в Чека»⁷⁷. До этого времени попасть в ЧК поэт мог либо тогда, когда переходил от белых на советскую территорию в 1920 году, либо как причастный к «заговору Таганцева» в Петрограде в 1921-м. Второе предположение проверить сейчас не представляется возможным, так как до сих пор нет списков всех арестованных по этому делу (а их было около трехсот): из 253 томов дела к 2011 году были рассекречены только три⁷⁸, и с тех пор, насколько известно, нового рассекречивания не проводилось. Если Тихонов участвовал в заговоре, то, вероятно, входил в десятку, которую возглавлял Гумилев (ее состав Николай Степанович так и не раскрыл на следствии). Первое же предположение представляется более вероятным, поскольку все военнослужащие, попадавшие в Советскую Россию с территорий, ранее занимавшихся белыми, проходили проверку в ЧК. Если Тихонов действительно попал в Советскую Россию после эвакуации армии Врангеля из Крыма, то в ЧК он должен был пробыть лишь очень короткое время. Известно, что почти все бывшие военнослужащие Русской армии выпускались из Крыма только после фильтрационной проверки; известно, что десятки тысяч офицеров и солдат армии Врангеля, а также гражданских беженцев были расстреляны в ходе «красного террора» в Крыму. Чтобы быстро и благополучно пройти фильтрацию, требовалось содействие кого-то из достаточно авторитетных военных, партийных или чекистских деятелей. Наверное, для Тихонова такой человек нашелся. Скорее всего это был кто-то из прежних петроградских знакомых.

По всей вероятности, сообщение Тихонова в автобиографии 1922 года о том, что он арестовывался ЧК, привлекло внимание чекистов только в 1939-м. В июле 1939-го секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Андреев составил проект письма Сталину, где сообщал: «Направляю Вам проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении советских писателей, внесенных в ЦК т.т. Фадеевым и Павленко. Список представленных к награждению писателей был просмотрен т. Берия. В распоряжении НКВД имеются компрометирующие в той или иной степени материалы на следующих писателей». Далее был приведен список писателей, на которых имелся компромат, и там была фамилия Тихонова. Но против Николая Семеновича, в отличие от

77 Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.

78 Толстой И. *Таганцевский заговор: к 90-летию нерассекреченного дела* // Радио Свобода. 2011. 8 ноября (www.svoboda.org/a/24385412.html). («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции Российской Федерации в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*)

некоторых других, Андреев не предлагал принять каких-либо мер⁷⁹. Было широко известно, что Тихонов является любимым поэтом Сталина, и он благополучно получил, как и предлагалось изначально, орден Ленина. По всей вероятности, никаких материалов, связанных с арестом Тихонова, в архивах найти не удалось, а одно только признание в автобиографии было слишком шатким основанием даже для допроса Тихонова.

В 1927 году Тихонов опубликовал поэму «Выра», посвященную жизни и гибели комиссара Александра Семеновича Ракова (1885–1919), павшего 29 мая 1919 года в деревне Выра, вблизи Гатчины, во время восстания 3-го пехотного полка (бывшего Семеновского лейб-гвардейского – также он назывался полком Внутренней Петроградской охраны) 2-й Петроградской отдельной стрелковой бригады особого назначения, комиссаром которой и был Раков (по официальной версии, он застрелился). Семеновцы перешли на сторону Северо-Западной армии. В дальнейшем тело Ракова было захоронено на Марсовом поле в Петрограде. В сентябре 1918 года Раков был назначен военным комиссаром Спасского района Петрограда. И Тихонов знакомит автобиографического героя с Раковым⁸⁰:

Изведавшее прелести годов несчетных,
Развесистое дерево взидало на столы,
В саду за музеем на месте почетном
Пестрая очередь топтала палый лист.
Дождь струился по людям незнакомым,
Плечам и фуражкам теряя счет, –
Спасского Совдепа военкомом,
Товарищем Раковым, веден переучет.
Комсостав, окутанный паром
Осени дряблой и жирной, как
Борщ переваренный, – шел недаром
В списки резервного полка.
Всем ли довериться этим бывшим
Корнетам, капитанам, подпрапорщикам?
На месте погон были дырки, а выше –
Сентябрьская слякоть стекала по щекам.
Одни были напуганы, как сада ветви,
Жалобно трещавшие под сапогом,
Иным безразлично было все на свете,
А третьи говорили: «Товарищ военком».
Очередь курила, таинственно крякала,
Как будто она продавалась на вес.

.....

79 «Литературный фронт». История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов / Сост. Д.Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 38–39.

80 Тихонов Н.С. Стихотворения и поэмы. С. 601, 603.

БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

Телефонист молодой
Перехмурил брови –
Он сидит как под водой
Иль витает с крышей вровень.
Страна полна такими,
Привычными, что крик,
Красноармеец – имя им,
А век их невелик.
И Раков смотрит: вот из тех –
Телефонист,
Кому отдать сейчас не грех –
Своей лепешки лист.
«Товарищ, ешьте!»
– «Военком, я сыт.
Я из гусаров спешен,
Я даже сбрил усы.
Из роты Карла Либкнехта,
В войне четвертый год,
Пишу стихи, отвыкнуть чтоб
От всяческих забот».

В действительности Тихонов с Раковым никогда не встречался, а в тот момент, когда второй стал военкомом Спасского района⁸¹, первый скорее всего уже был в рядах полка Булак-Балаховича. Совершенно не понятно, каким образом автобиографический герой переквалифицировался из гусар в телефонисты, а Раков, наряду с аттестацией комсостава, заодно занялся телефонистами. Зато понятно, зачем это понадобилось Тихонову. Поэт не хотел, чтобы автобиографический герой был прямо назван офицером, поскольку тогда публика могла бы принять за офицера его самого. А процедуру регистрации Тихонов скорее всего проходил, когда поступал в полк Булак-Балаховича. Можно предположить, что один из названных в поэме «Выра» офицерских чинов Тихонов имел перед поступлением в Красную армию в 1918 году. Он ни в коем случае не мог успеть стать капитаном в 21 год – столь стремительная карьера наверняка принесла бы ему орден Св. Георгия и отразилась бы в газетах. Но точно так же он не мог быть и подпрапорщиком. В подпрапорщики производили фельдфебелей, занимавших офицерские должности, но не имевших достаточного образовательного ценза для поступления в школу прапорщиков или сдачи экзамена на офицерский чин. Кроме того, подпрапорщики обычно имели несколько Георгиевских крестов. Тихонова, имевшего достаточно высокий образовательный ценз, проще было про-

81 Все сведения о Ракове он почерпнул из: Шидловский Г.Л. *Товарищ Раков. Очерк жизни и деятельности Александра Семеновича Ракова. С прил. воспоминаний А.С. Ракова о Гражд. войне 1917–1918 г.г. в Финляндии, статей и предсмертных писем его и документов о нем.* Ленинград: Прибой, 1926.

известии в прапорщики по экзамену или в крайнем случае направить в школу прапорщиков. Неизвестно, имел ли Тихонов Георгиевский крест. Борис Фрезинский, не ссылаясь на источник, утверждает: «Старших и младших Серапионов разделяла мировая война, в которой двадцатилетними участвовали Груздев, Зоценко, Слонимский, Тихонов, Шкловский (все получили Георгиевские кресты)»⁸². Относительно Михаила Зоценко это утверждение неверно, поскольку он прибыл на фронт уже прапорщиком после окончания Павловского военного училища и Георгиевский крест никак не мог получить по статуту. А еще перед февральской революцией из-за болезни сердца Зоценко был отчислен в тыл и на фронт больше не вернулся⁸³. Поэтому разрешенное после февральской революции награждение офицеров солдатскими Георгиевскими крестами его никак не могло коснуться. Что же касается Тихонова, то пока что нельзя быть уверенным, получил он Георгиевский крест или нет. Орденом Св. Георгия или Георгиевского оружия он не был удостоен, так как его имя отсутствует в соответствующем справочнике⁸⁴. Что же касается награждения Георгиевским крестом, то в базе данных награжденных Георгиевским крестом 4-й степени числится по крайней мере один Николай Тихонов, награжденный крестом № 319 050⁸⁵. С одной стороны, имеющаяся база данных далеко не полна, с другой стороны, нельзя утверждать, что награжденный крестом № 319 050 и поэт Тихонов – это одно и то же лицо. Если поэт действительно был удостоен Георгиевского креста 4-й степени, то вполне возможно, что за подвиг, описанный в стихотворении «Котелок меня по боку хлопал...», написанном в годы Первой мировой войны⁸⁶:

Я рукой загорелой винтовку
На вечернее небо навел.

И толчок чуть заметной отдачи
Проводил мою пулю в полет.
Там метался в обстреле горячем
Окружаемый смертью пилот.

И, салютом тяжелым оплакан,
Серый «таубе» в гулком аду
Опрокинулся навзничь, как факел,
Зарываясь в огонь на ходу.

82 ФРЕЗИНСКИЙ Б.Я. *Судьбы Серапионов. Портреты и сюжеты*. СПб.: Академический проект, 2003. С. 28.

83 *Лицо и маска Михаила Зоценко. Сборник* / Сост. и публ. Ю.В. Томашевского. М.: Олимп, 1994. С. 340–365.

84 *Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Библиографический справочник* / Отв. сост. В.М. ШАБАНОВ. М.: Русский мир, 2004.

85 *Российский государственный исторический архив*. Ф. 496. Оп. 3. Д. 914 (<https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/06/1ce26e6cea7580a1fb2984f34cb245a5caa503a9.pdf>).

86 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 63.

Здесь лирический герой из винтовки сбивает германский аэроплан.

Теоретически Тихонов мог иметь два производства в офицерские чины в старой русской армии. Например, в 1916 году – и за бои под Ригой в сентябре 1917-го. Тогда он перед октябрьской революцией мог быть корнетом. В белой Северо-Западной армии Тихонов тоже теоретически мог получить два офицерских производства в 1919 году: первое по итогам майских боев за Ригу и второе – за бои в петроградских пригородах. Таким образом, к концу гражданской войны Тихонов мог иметь чин от прапорщика до штабс-ротмистра. Наиболее вероятно, что он был корнетом или поручиком. Бывшие офицеры и генералы Северо-Западной армии в своих мемуарах имени Тихонова не называют. Это может свидетельствовать о незначительности должности, которую он занимал – вероятно, на уровне младшего офицера или командира взвода в эскадроне или роте. Однако отсутствие имени Тихонова в мемуарах может быть и следствием самоцензуры их авторов. Сослуживцы поэта могли знать или подозревать, что он остался в Советской России (может быть, даже читали его стихи, изданные в СССР), и, чтобы не навредить, предпочитали не называть его имени.

Судя по всему, весь боевой опыт в гражданской войне Тихонов приобрел в рядах белых, а в Красной армии он не сражался ни дня. И только этот опыт, равно как и опыт Первой мировой войны, отразился в лучших тихоновских стихах 1920–1930-х, включая сборники «Орда» и «Брага».

Одно из стихотворений «Орды», «Над зеленою гимнастеркой...», судя по всему, прямо навеяно пребыванием в рядах Северо-Западной армии⁸⁷:

Над зеленою гимнастеркой
Черных пуговиц литые львы,
Трубка, выжженная махоркой,
И глаза стальной синевы.

Он расскажет своей невесте
О забавной, живой игре,
Как громил он дома предместий
С бронепоездных батарей.

Как пленительные полячки
Присылали письма ему,
Как вагоны и водокачки
Умирали в красном дыму.

87 Там же. С. 91.

Как прожектор играл штыками,
На разбитых рельсах звеня,
Как бежал он три дня полями
И лесами – четыре дня.

Лишь глазами девушка скажет,
Кто ей ближе, чем друг и брат, –
Даже радость и гордость даже
Нынче громко не говорят.

БОРИС СОКОЛОВ
СОЦРЕАЛИСТ ВО СТАНЕ
БЕЛЫХ ВОИНОВ?

Комментаторы гадали, откуда взялись львы на пуговицах у безвестного солдата или офицера и к какой армии он принадлежит. Между тем многое станет понятным, если мы обратимся к мемуарам северо-западников. Ливенец, поручик Г.Ф. Галактионов, вспоминал о боях в Латвии:

«Здесь уже красовался эстонский бронепоезд, а по станции путались эстонские офицеры и солдаты. Все свои политические обвинения по отношению к нам, русским, они выражали довольно наивно и узко:

– Какие же вы русские, если у вас немецкое обмундирование?

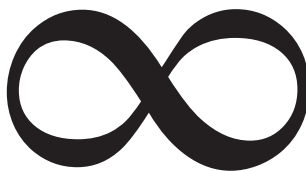
Что можно было возразить на такое замечание? Как будто с переменной цвета сукна и костюма должно безусловно измениться и наше русское чувство и убеждение на немецкое, хотя у нас и были отличительные знаки: национальные ленточки на рукаве, погоны и кокарды»⁸⁸.

Герб Эстонии – три льва. Отсюда львы на пуговицах гимнастерки героя стихотворения. Эти львы появились еще на пуговицах униформы эстонских национальных частей русской армии в 1917-м, а потом на погонных звездочках офицеров армии Эстонии в 1919–1920 годах⁸⁹. В этом тихоновском стихотворении опять сказалась общая для офицеров Северо-Западной армии нелюбовь к эстонцам. Но намек про львов был понятен только немногим.

Бойцы Северо-Западной армии помнили и неласковый прием в Эстонии после отступления от Петрограда, когда многим из них пришлось голодать в лагерях для интернированных. Это отношение выразилось и в стихах Тихонова 1920-х. Хорошо известна его антиколониальная и антианглийская поэма «Сами», полемичная по отношению к Кипплингу. Гораздо менее известно тихоновское антиэстонское стихотворение «Ночь президента» (1926), о перводекабрьском коммунистическом восстании в Таллинне в 1924 году, инспирированном Москвой. Главный герой стихотворения – Фридрих Акель (у Тихонова ошибочно

88 Галактионов Г.Ф. *Первое движение из Риги на Венден // Белая борьба на Северо-Западе России*. С. 100–101.

89 См.: *Знаки различия армии в период формирования национальной эстонской армии после 1917 года* (<http://severyukhin-oleg.ru/pages/eston.html>).

Аккель) (1871–1941), президент (государственный старейшина) Эстонии в 1924-м, после советской оккупации Эстонии расстрелянный в Таллинне 3 августа 1941 года. Во время восстания коммунисты пытались захватить или убить Акеля, но ему удалось бежать из своей резиденции. У Тихонова читаем⁹⁰:

И в теплой постели, как в бархатной луже,
Спит цезарь Эстонии – Аккель.
Не звезды, а доллары льют небеса,
Картофеля преют громады на складе,
Покорней турнепса эстонцы, он сам
Богатые лысины ласково гладит.
Как тихи семейные ночи Эстонии,
Проснулся, и в спальне – покой огорода,
Но гулко у дома растут спросонья
Шаги неизвестной породы.
И к дому спешит небывалый народ,
Одетый не для парада,
И громко поет дверной переплет
Под теплыми лбами прикладов.
Не все ли равно – в сиянье ль, во мраке ль –
Приветствовать край родной?
Так выйди ж к этой Эстонии, Аккель,
Раскланяйся с ней заодно.

.....

Но вот тишина, точно жидкое пиво,
Шипит, пригорев на огне,
И Аккель – подмерзшая синяя слива –
Маячит в чердачном окне.
И видит: опять у камней на ладони,
Сжимая тюремный кулак,
Проходит, как лаком облитый, Лайдонер
Со сворой вспотевших собак.
И свора играет, и Аккель, рыдая,
Зовет ее стуком руки,
И доги, маститые морды вздымая,
Слюняво трясут языки.

Йоханнес Лайдонер был главнокомандующим эстонской армии как во время похода Юденича на Петроград в 1919-м, так и во время коммунистического восстания 1 декабря 1924 года, подавлением которого он руководил. После советской оккупации Эстонии (1940) Лайдонер был арестован, но только в 1952-м приговорен Особым совещанием к 25 годам тюрьмы. Он умер 13 марта 1953 года во Владимирской тюрьме, по официальной версии, от сердечной недостаточности. Поскольку в тот же

90 Тихонов Н.С. *Стихотворения и поэмы*. С. 135–137.

день в той же тюрьме и по той же причине умер бывший вице-премьер польского эмигрантского правительства Ян Станислав Янковский, у которого через две недели истекал срок заключения, есть основания предполагать, что оба они отравлены сотрудниками органов госбезопасности.

Эстонцы здесь «покорней турнепса», их президент уподоблен «подмерзшей синей сливе», а подавивший восстание Лайдонер – псарю со сворой «вспотевших собак» со слюнявыми языками.

А в 1939 году в стихотворении «Англичане», входящем в цикл к 20-летию защиты Петрограда от Юденича, Тихонов взглянул на подвиг британских моряков уже с советской точки зрения⁹¹:

Что за флаги блещут на закате,
Чей эсминец разводит волну? –
То британский предательский катер,
Захлебнувшись, уходит ко дну.
Чья мелькнула стальная обводка,
Чернотой поднялась глубина? –
То британская серая лодка...
В вечный сон погрузилась она.
«Почему мы погибли без славы,
Моряки океанского льва?» –
Вы спросите того, кто отправил
Из далекого Лондона вас!

Тихонов к моменту возвращения в Петроград, по всей вероятности, уже разочаровался в белом движении и собирался остаться на стороне победителей. Тут сыграло свою роль разочарование в союзниках – англичанах и эстонцах, – на которых многие белогвардейцы списывали неудачу похода Северо-Западной армии на Петроград.

Пребывание Тихонова в рядах белогвардейцев также наиболее правдоподобным образом объясняет, почему он, будучи высокопоставленным литературным функционером, так и не вступил в партию. Положим, после Великой Отечественной в этом уже не было нужды. В 1949 году Тихонов стал председателем Советского комитета защиты мира, а на этом посту предпочтительнее было иметь как раз беспартийного. Но до войны членство в партии могло бы только укрепить его положение. Однако Тихонов не стремился стать коммунистом. Судя по стихам 1918 года, он был человеком верующим. Это обстоятельство могло послужить одной из причин, почему Тихонов так и не вступил в ряды КПСС. Однако, думается, более существенной была другая причина. При вступлении в партию неизбежна

91 Там же. С. 399.

была дополнительная проверка фактов биографии. И тогда могло выясниться, например, что в царской армии поэт был офицером и что в разгроме Юденича он участвовал, находясь в рядах «разгромленных», то есть Северо-Западной армии. Кроме того, член партии, занимающий высокую номенклатурную должность, нередко становился объектом доносов по партийной линии. Так, бывший заместитель заведующего Отделом печати при ЦК ВКП(б) и бывший глава издательства «Земля и фабрика» поэт Владимир Иванович Нарбут (1888–1938) в 1928-м был исключен из партии за сокрытие обстоятельств своего пребывания на белом Юге в конце 1919-го – начале 1920 года⁹². Элементарная осторожность диктовала Тихонову воздержаться от вступления в ВКП(б).

Мнимое участие в борьбе с Юденичем потребовалось Тихонову для того, чтобы легализовать свои воспоминания о боях под Петроградом. Иначе мог ненароком проговориться и навлечь на себя подозрение, что сражался против красных. Вячеслав Всеволодович Иванов писал: «Тихонов в стихах не выразил ни себя, ни своего времени. Под киплинго-гумилевской мужественной солдатской маской ранних стихов скрывался человек несерьезный, слабый и перепуганный (хотя скорее всего и с недурными задатками)»⁹³. Иванов не знал, что Тихонову было чего бояться – причем в большей мере, чем другим «серапионам».

Разумеется, осуществленная мной реконструкция ранней биографии Николая Тихонова является гипотетической. Дальнейшие поиски документов могут ее подтвердить или опровергнуть. Имел Тихонов одно или два производства в офицеры в царской армии и в армии Временного правительства, а также был ли он награжден орденами, можно установить по Высочайшим призам по военному ведомству за 1914–1917 годы⁹⁴. К сожалению, эта база пока что не снабжена необходимой навигацией, а фронтальный просмотр всех приказов, даже если взять только 1916–1917 годы, то есть то время, когда было наиболее вероятно производство Тихонова в офицеры, требует очень значительного времени. Возможно, быстрее эту задачу можно решить, если обратиться к фонду полка офицерской кавалерийской школы в Российском государственном военно-историческом архиве. Также возможны поиски в архиве Северо-Западной армии, часть которого хранится в Российском государственном военном архиве.

92 См.: Киянская О.И., Фельдман Д.М. *Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы*. М.: Форум, 2015. С. 57–103.

93 Иванов В.В. *Судьбы Серапионовых братьев и путь Всеволода Иванова // Литературная группа «Серапионовы братья»: истоки, поиски, традиции, международный контекст. Тезисы докладов международной конференции*. СПб., [1995]. С. 19.

94 См.: www.ria1914.info/index.php/Высочайшие_приказы.